

ПЕРЕПИСКА РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ КАК ДОКУМЕНТ И ИСТОЧНИК О СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются информативные возможности переписки ведущих российских историков первой половины XX в. о социо-культурной ситуации в стране и о положении в исторической науке накануне и в период революций 1917 г., гражданской войны, а также в начале Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: переписка, источник, историки, информативные возможности, изучение, ситуация.

Об авторе: Серёгина Инна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой архивоведения, историографии и документоведения, Тверской государственный университет. Россия, 170039 Тверь, ул. П. Савельевой, 27-93; seregina@tversu.ru

Переписка людей – уникальный документ своего времени и важный исторический источник. Письма – одно из самых распространенных средств общения между людьми, важный канал связи, независимо от того, в какой форме осуществляется переписка. Следует согласиться с М.П. Айзенштат, что письма – «личный источник, относящийся к конкретному дню, а порой, в зависимости от важности ситуации, и определенному часу»¹. Письма могут лечь в основу изучения как широких общественных настроений, так и более узких корпоративных осмыслений той или иной ситуации, а также семейных историй². При этом, чем более образованными и культурными являются участники переписки, тем более интересными, яркими и информативными являются их письма.

В этом отношении особого внимания заслуживает переписка ученых-историков. Особенно интересной и

¹ Айзенштат М.П. 2011, 348.

² Краснова И.А., Ануфриенко И.А. 2006.

информативной она предстает в переходные периоды, периоды слома устойчивости и равновесия в обществе и исторической науке, такие, как революции и войны. В настоящее время осуществляются публикации материалов переписки, в том числе и историков³. Вместе с тем, в научных исследованиях они зачастую используются и как вспомогательный исторический источник, который может оживить текст исследования, украсить его⁴.

Переписку ученых, несмотря на присутствие мощного личного начала, отличает высокая организованность текста, умение видеть главное в событиях, предельная четкость в оценке ситуации и в изложении своих мыслей. За редким исключением письма имеют все необходимые реквизиты: информацию об адресате и корреспонденте, дате и месте написания письма. Таким образом, они вполне могут служить самостоятельным источником как для изучения историографических проблем, так и конкретно-исторических ситуаций, свидетельствами которых были их авторы. Письма как исторический источник, положенный в основу исследования, имеют специфику, которая заключается в необходимости максимально точно, то есть словами автора передать то или иное суждение, описание, переживание. Так, М.М. Богословский писал о своей статье «Петр Великий по его письмам»: «Статья вышла довольна большая благодаря множеству цитат, а без цитат о письмах Петра Великого нельзя было бы писать»⁵.

Одним из видных российских историков начала XX в. был Сергей Борисович Веселовский, специалист в области российской истории XIV – XVII вв. и источниковедения, который вел активную переписку со многими отечественными историками: В.Г. Дружининым, М.А. Дьяконовым,

³ *Богословский М.М.* 1987; Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001.

⁴ *Историки России. XVIII – начало XX века.* 1996.

⁵ *М.М. Богословский.* 1987, 140.

С.Ф. Платоновым, А.Е. Пресняковым, С.В. Бахрушиным, Д.М. Петрушевским, М.К. Любавским и др.

В 2001 г. была опубликована переписка С.Б. Веселовского в период с 1906 по 1952 гг., хранящаяся в Архиве РАН, которая представляет несомненный интерес. Особенно полно представлена переписка, связанная с предреволюционными и революционными событиями 1917 г. (1908 – 1918 гг.)⁶.

В сборнике опубликовано 449 писем, в том числе 376 писем историков С.Б. Веселовскому и 66 писем С.Б. Веселовского историкам. Данная публикация писем осуществлена по «Книге копий писем...», составленной самим С.Б. Веселовским⁷. Можно предположить, что историк отбирал наиболее важные на его взгляд письма. В целом необходимо отметить, что логика переписки в данной подборке четко выражена. Интенсивной была переписка с М.А. Дьяконовым – в сборник включено 55 писем за 1908 – 1917 гг., в том числе 16 писем С.Б. Веселовского; В.Г. Дружининым – в сборнике 55 писем В.Г. Дружинина за 1907 – 1925 гг. и одно письмо С.Б. Веселовского; с С.Ф. Платоновым – 50 писем за 1908 – 1925 гг., в том числе 3 письма С.Б. Веселовского; с А.И. Яковлевым – 44 письма за 1906 – 1942 гг., в том числе 29 писем С.Б. Веселовского. В сборнике также опубликовано пять писем С.Б. Веселовского Н.В. Устюгову; по три письма А.Е. Преснякову и С.Ф. Ольденбургу; два письма А.И. Заозерскому; по одному письму И.И. Кауфману, Н.Д. Чечулину, Е.Д. Сташевскому и А.Н. Натансону. Таким образом, взгляды, воззрения, позиция С.Б. Веселовского лучше всего представлены в переписке с М.А. Дьяконовым и А.И. Яковлевым (44 из 66 писем С.Б. Веселовского, опубликованных в сборнике)⁸.

⁶ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001.

⁷ Там же, 25.

⁸ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 513-527.

По материалам переписки можно выделить несколько проблем, которые особенно волновали ученых в тот период, определить занимаемую ими позицию, интерпретацию событий и их оценку. Прежде всего, речь идет о событиях периода Первой мировой войны, Февральской революции, о ситуации, сложившейся в стране и в исторической науке после Октября 1917 г., об отношении к молодым историкам «новой генерации», о критике, звучавшей в адрес труда С.Б. Веселовского «Сошное письмо», о реакции на «дело» Е.Д. Сташевского, о жизни в эвакуации в годы Великой Отечественной войны и некоторых других. При этом необходимо отметить, что, несмотря на все перипетии того времени, которые коснулись каждого из участников переписки, она в значительной мере была инициирована необходимостью обсуждения чисто научных вопросов, связанных с изучением конкретно-исторических проблем, либо решением организационных вопросов науки. Вместе с тем, в коротких замечаниях, в заметках даются описания ситуации в стране, в обществе, ее характеристика и оценка.

Необходимо отметить, что Первая мировая война не нашла сколько-нибудь существенного отражения в представленной переписке ученых. Складывается впечатление, что война особенно не затронула их жизнь ни с материальной, ни с интеллектуально-духовной точки зрения. Прослеживается очень сдержанная реакция на начало войны и на ее события. Так С.В. Бахрушин пишет 19 июля 1914 г. С.Б. Веселовскому: «Мне очень хочется Вас видеть. Теперь, вероятно, и Вы в Псков не поедете. Какие времена!»⁹ Из переписки известно, например, что из-за начавшейся войны не состоялась поездка С.Б. Веселовского и в Евпаторию¹⁰.

Судя по письмам, острее всего начало войны воспринималось в Финляндии и Прибалтике. 29 июля

⁹ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 409.

¹⁰ Там же, 393.

1914 г. Л.И. Львов писал С.Б. Веселовскому: «Из Финляндии все бегут. Вообще в Питере больше тревоги, чем в Москве»¹¹. 11 сентября 1914 г. М.А. Дьяконов сообщал С.Б. Веселовскому, что «...поспешил к своим в Финляндию, выручать их оттуда...»¹² А 6 ноября 1914 г. пришло печальное известие от П.Г. Любомирова о гибели на войне его товарища, историка А.В. Тищенко, с которым был знаком и С.Б. Веселовский¹³. 18 января 1915 г. И.И. Лаппо писал о ситуации в Прибалтике: «В Юрьеве все возимся с "внутренними немцами". Имеются достаточно странные типы. Жаль, что многие из здешних немцев решительно связывают свои интересы в России с могуществом Германии, – так сами в этом и признаются»¹⁴. Это были, пожалуй, наиболее тревожные известия, которые поступали к С.Б. Веселовскому.

В целом спокойной оставалась реакция на войну в письмах и к началу зимы 1914 г. Через четыре месяца после начала войны, 1 декабря 1914 г. М.А. Полиевктов, отвечая на письмо С.Б. Веселовского, замечает: «Судя по Вашему письму, жизнь московских историков протекает столь же спокойно и безмятежно, как и "петроградских", – понемногу двигаем науку...»¹⁵ В конце декабря 1914 г. П.П. Смирнов сообщал: «Войну мы в Киеве, вообще говоря, ощущаем мало: только разве в ценах кое-каких продуктов, да в сборах на всякие потребности». Он также сообщал, что жена его работает в госпитале¹⁶. Правда, 8 января 1915 г. М.А. Дьяконов жаловался С.Б. Веселовскому: «Проклятая война, распылила силы и убавила энергию»¹⁷. А 1 февраля 1916 г. Л.И. Львов

¹¹ Там же, 419.

¹² Там же, 137.

¹³ Там же, 268.

¹⁴ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 272.

¹⁵ Там же, 233.

¹⁶ Там же, 330.

¹⁷ Там же, 138.

сообщал: «Жили мы в Симферополе и не хорошо, и не плохо, но с радостью выехали оттуда. Очень там тихо идет жизнь, о войне мало думают и мало сравнительно с Москвой или Петроградом ее чувствуют»¹⁸.

Война могла привести к сбоям в сложившейся научной жизни, это беспокоило. 29 июля Л.И. Львов писал С.Б. Веселовскому о том, что в издательстве Поповой его уверили, что военные события не должны отразиться на типографской работе и печатании трудов¹⁹. Вместе с тем, уже 23 декабря 1914 г. П.П. Смирнов сообщал из Киева: «...бумага дорога и руки дороги, а типография тягается с редакторами из-за оплаты»²⁰. Особенно отчетливо трудности с издательским делом начали проявляться в 1916 г. 18 января 1916 г. В.Г. Дружинин, управитель дел Императорской Археологической комиссии, писал из Петрограда в Москву С.Б. Веселовскому: «Как у Вас с бумагой? У нас туго и дорого. Говорят, что и это дело в руках скупщиков-мародеров»²¹. И 24 сентября 1916 г. В.Г. Дружинин писал о тех же проблемах: «Вчера узнал от С.Ф. Платонова, что типография Лисснера прекратила работу... Не будете ли любезны сообщить, как обстоит дело с типографией: перешла ли она в другие руки или же вовсе прикрыла свою деятельность, и как добыть оттуда листы, уже отпечатанные, и оставшуюся бумагу... Есть ли у Вас бумага для печатания приходно-расходных книг? Живем здесь потихоньку в надежде на лучшее будущее»²². Менее чем через месяц, 6 октября В.Г. Дружинин ещё раз писал С.Б. Веселовскому: «Да, с учеными предприятиями теперь трудно: стоимость печати возросла от 50 до 300%! Бюджет же остается тот же

¹⁸ Там же, 423.

¹⁹ Там же, 419.

²⁰ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 329.

²¹ Там же, 66.

²² Там же, 67.

самый; приходится сокращаться, испытывая невольное сжатие сердца при размышлении о том, что налаженное дело затягивается. Ведь не обидно ли знать, что Ипатьевская летопись может печататься лишь со скоростью 4 лл. в год. А спрос на нее большой. Будем жить в уповании на лучшие времена»²³.

Несмотря на возникавшие трудности, работа все-таки продолжалась, о чем также свидетельствует переписка. 19 марта 1916 г. М.А. Дьяконов, который наравне с научной занимался и издательской деятельностью, написал С.Б. Веселовскому: «...отвечаю на Ваш вопрос — "Что делается в научных кругах?" ...опять возвращаемся к мысли об издании журнала, несмотря на все неблагоприятные условия. Вопреки им хотим даже использовать анкету о возможности или невозможности финансировать предприятие путем частных сборов... Можно ли таким образом собрать сумму, необходимую на издание журнала хотя бы на один год (около 10 тыс.), решается разное оптимистами и скептиками»²⁴.

А 17 апреля 1916 г. М.А. Дьяконов написал С.Б. Веселовскому: «Думали, мы думали и надумали принять все меры к подготовке издания "Русского исторического журнала"»²⁵. Об этом же 3 апреля 1916 г. А.Е. Пресняков сообщал С.Б. Веселовскому: «Сама мысль о научном историческом журнале встретила, в общем, не малое сочувствие, даже заявлений на готовность внести денежные вклады [получено] на весьма приличную сумму...»²⁶.

Гораздо более серьезные изменения и потрясения принесли в жизнь ученых революционные события и события гражданской войны. Отношение к ним было самым различным, но перспективы революции

²³ Там же, 68.

²⁴ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 142.

²⁵ Там же, 143.

²⁶ Там же, 221.

оценивались очень четко. Описание ситуации и самоощущений становится более обстоятельным, детальным, им уделяется значительное место в письмах. Многие историки, принимавшие участие в переписке с С.Б. Веселовским, в той или иной мере занимались изучением истории Смутного времени. Они оценивали переживаемый революционный период с профессионально-исторической точки зрения, проводя очевидные параллели между ситуацией начала XVII в. и начала XX в. Социальные ожидания историков были тревожными, напряженными, и они оправдались для многих из них в наихудших вариантах.

В сборнике опубликовано 41 письмо за 1917 – 1919 гг. Наибольшее количество писем этого времени приходится на переписку с С.Ф. Платоновым и А.И. Яковлевым – по 8 писем, с В.Г. Дружининым и Л.И. Львовым – по 4 письма, с М.А. Дьяконовым и П.П. Смирновым – по 3 письма. Наиболее откровенная переписка в революционный период велась С.Б. Веселовским с М.А. Дьяконовым и С.Ф. Платоновым.

Так, М.А. Дьяконов писал С.Б. Веселовскому 10 марта 1917 г. из Петрограда в Москву, с одной стороны, с воодушевлением, с другой стороны, с опасением: «Итак, свершилось. У нас новый строй вместо сгнившего бюрократического самодержавия. Дай бог ему, этому новому строю, долгой жизни и успеха. Но мы-то остались прежними с прежней ленью, с горячими порывами уничтожать старое сгнившее, со страстишками и погромами и совершенным отсутствием дисциплины, без которой никакая организация немыслима. Эта дисциплина исчезает и в войсках»²⁷.

С.Б. Веселовский ответил М.А. Дьяконову через месяц, 9 апреля 1917 г. Анализируя ситуацию, он описывал и свои ощущения: «Время так расхватывается событиями; делами и делишками, а сил так мало ... теперь прямо рука

²⁷ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 152.

не поднимается писать что-либо по научным вопросам. Даже читать не могу... Много я нахожусь если и не в подавленном состоянии духа, то, во всяком случае, в очень скверном. Впрочем, я всегда был пессимистом в вопросе о ходе и направлении нашего развития»²⁸.

Чуть раньше, 5 апреля 1917 г., С.Б. Веселовский обращался к С.Ф. Платонову, критически оценивая произошедшие события: «Как я пережил последний месяц? В общем – как все. Разница, пожалуй, та, что не поддерживала и не поддерживает вера в возрождение, в поворот к лучшему. Слишком поздно. Уже в январе и феврале неизбежность и близость поворота стали очевидными. По многим признакам крайнего расстройств всего административного механизма можно было предвидеть наступающий паралич власти. Пока он продолжается и идет все глубже. Оздоровление же и возрождение власти в такой огромной и малокультурной стране, как Россия, – это "музыка будущего". С этой точки зрения события конца февраля и начала марта – небольшие эпизоды. Война, несомненно, замедляет процесс разложения, что дает некоторую надежду, но, с другой стороны, она очень затрудняет задачи новой власти. Сознаюсь в своем пессимизме. Некоторым оправданием или смягчающим обстоятельством мне служит то, что я стал пессимистом давно, еще с 1904 – 1905 года»²⁹.

12 апреля 1917 г. С.Ф. Платонов отвечал С.Б. Веселовскому, поддерживая его оценку: «Пессимист и я. Не пугают меня теоретические кликуши, пугает «стихия» некультурная и слепо-злая и эгоистичная. Очень она стала заметна... Ну да что же можно делать нашему брату, кабинетному человеку, в настоящую минуту? Только ждать»³⁰.

²⁸ Там же, 153-154.

²⁹ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 188.

³⁰ Там же, 189.

Ситуация резко изменилась после Октябрьских событий, особенно с началом гражданской войны. Опасения, которые высказывались многими историками в письмах к С.Б. Веселовскому, превратились в реальность. 29 апреля 1918 г. М.А. Дьяконов, научные интересы, которого были сосредоточены в истории XVI – XVII вв., писал из Петрограда С.Б. Веселовскому, который в это время перебрался в деревню: «Но что нас ждет в ближайшее время... Пока что приходится выносить постоянную пытку от окружающего кошмара, от которого находишь облегчение лишь когда уйдешь в работу о временах давно минувших дней. Тогда было хоть и много хуже, но и много лучше, так как было здоровое национальное сознание. ...с одной стороны, голод подошёл вплотную, а с другой – грозят немецкой оккупацией. ...положение всех профессоров очень тяжелое, так как жалованья не дают; Петрушевский ... очень постарел и исхудал...»³¹.

Молодой историк Л.И. Львов, работавший инспектором при Московском областном управлении архивным делом под руководством С.Б. Веселовского, неоднократно писал ему, несколько нервно и путано, в период с 9 января 1918 г. по 8 января 1919 г. из Рязани, где он находился в командировке, о ситуации за пределами столицы: «Ехать трудно – трудно сесть в поезд, еще труднее устроиться так, чтобы место было спать»³². Через несколько дней: «...условия путешествия в железных дорогах с каждым днем все тяжелее. ...знаете ли Вы, что делается теперь на железных дорогах. Движение настолько спутано, что, кажется, все держится на ниточке: еще немного натянуть, и она порвется»³³. И далее: «Что же будет с нами? Ясно, что никто спасать нас не собирается. Видимо у победителя столько дела, что им

³¹ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 155.

³² Там же, 429.

³³ Там же, 432.

не до нас. Да и с какой стати исцелять подышающего медведя? Тем более, что нет теперь врача, который мог бы исцелить его... Я не уверен в этом прогнозе, но он напрашивается. А может быть... и другой план: великую державу разбить на куски, создать из, казалось, живого организма несколько республик и монархию, тем более граждан президентов и монархов... в этой великой стране оказалось больше, чем патриотов. Тогда, не торопясь и не боясь, что вымрет добрая половина (ну, не половина, но многие миллионы) населения великой страны... осуществить свой план! Быть может, Вы, москвичи, корректируете газетную информацию какими-нибудь другими сведениями, и Вам мои рассуждения покажутся просто плодом истерзавшегося воображения. Я был бы рад этому. Но что же ждет нас, если мое воображение не фантастично. Ведь железная дорога встает. Ведь города, и столицы, прежде всего, совсем скоро будут островами, недоступными извне. Из разговоров, которые доносятся ко мне... я заключаю, что это уже начало осуществляться.

Московские события эпохи Смуты повторяются со всем своим шумом и драматичностью событий. Ведь дело дойдет и до крыс. И это в XX веке... Видите, я совсем мрачно смотрю на скорое грядущее. Чуда могут быть целых два. Одно понятно само собой, а другое — даже не чудо впрочем, а просто невозможность и ошибка нашего представления о том, насколько живуча умирающая страна или, вернее, насколько приспособляем граждан 1/6 части вселенной?»³⁴.

Ситуация и настроения 1920-х гг. находят отражение в переписке С.Б. Веселовского с А.И. Яковлевым, представленной четырьмя письмами за 1923 — 1925 гг. Эти письма показывают, насколько трудно приходилось в новой ситуации С.Б. Веселовскому, который и прежде не обладал оптимистическими настроениями. Новый,

³⁴ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 433.

1925 год С.Б. Веселовский встречал, поправляя здоровье в подмосковном санатории Академии Наук «Узкое». 20 декабря 1924 г. он писал А.И. Яковлеву: «Сердцем буду все время с Вашими и дорогими мне москвичами. В Санузии довольно шумно, на праздниках будет еще «веселее». Будут до 70 человек здорового (в большинстве) народа. ...временами вспыхивает болезненное ощущение глубокого одиночества, особенно острое тем, что уединиться трудно, и приходится его переносить на людях, бесконечно мне чуждых. Публика очень "разная", с большой примесью "наших". Вообще — квинтэссенция русской интеллигентщины. ... Все было бы хорошо и нечего было бы желать лучшего, если бы временами жизнь вымыслами не прерывалась сознанием безнадежности действительности и безысходной тоски. ... С годами большинство людей, с которыми приходится сталкиваться, становятся для меня все более и более чуждыми, и естественно, что и я для них чужой»³⁵.

В 1941 — 1942 гг. С.Б. Веселовский находился в эвакуации в Казани, а затем в Ташкенте. В сборнике опубликовано 11 писем С.Б. Веселовского А.И. Яковлеву за этот период. С.Б. Веселовский эвакуацию переживал трудно. Он писал А.И. Яковлеву 25 сентября 1941 г. из Казани: «Устроились сравнительно сносно, но постоянно вспоминаю Вашу любимую поговорку, что в родном доме стены помогают. На чужбине не только стены, но и люди не помогают»³⁶. Очень беспокоили С.Б. Веселовского его библиотека и рукописи, которые остались в Гирееве, он хлопотал о том, чтобы все его документы были переправлены в Москву, в более безопасное в пожарном отношении место³⁷. Обидным для С.Б. Веселовского было и то, что в Президиуме Академии Наук не было удовлетворено его ходатайство

³⁵ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 466-467.

³⁶ Там же, 470.

³⁷ Там же, 471.

о пенсии по возрасту и состоянию здоровья³⁸. В конце декабря 1941 г. С.Б. Веселовский переехал в Ташкент, как и многие другие историки. Первоначально там ситуация была лучше, он писал А.И. Яковлеву: «С 20/ХІІ мы, наконец устроены хорошо во всех отношениях – имеем теплую комнату в академическом общежитии, хорошую столовую во дворе общежития, в которой 3 раза в день получаем вполне хорошую пищу. Наконец, во дворе же для нас открыт ларек, из которого мы получаем хорошие пайки и всякий ширпотреб. Со мной в этаже живут: Виппер, Боголепов, Пичета и Шишмарёв. Этажом ниже – Косминский, Бахрушин, Струве, Удальцов, Богоявленский и др.»³⁹. Но уже 10 апреля 1942 г. С.Б. Веселовский пишет: «...благополучию приходит конец. Паек сильно сократили, а в столовой стало жидко. Живем мы с товарищами в одном доме, но выдаемся редко, и общение не клеится.... АН на 3-4 месяца задерживает деньги по званию и по институту»⁴⁰. 29 ноября 1942 г. С.Б. Веселовский невесело писал А.И. Яковлеву об условиях жизни в Ташкенте: «В итоге года жизни в Ташкенте я пришел к заключению, что из него надо выбираться. Во-первых, не для всех из нас подходящий климат. После 3 месяцев жары, днем и ночью, наступили теплые и даже жаркие дни, а по ночам холодно. На солнце жарко в летнем платье, а в тени в спину дует холодный ветер. Над городом всегда стоит тонкая лё[с]совая пыль, что вредно для слабых легких и вызывает разные заболевания. Для нас, москвичей все чуждо, начиная с верблюдов с их важной и нелепой походкой. Питание и другие бытовые условия жизни приближаются мало-помалу, но неуклонно к Вашим. Сидим иногда по 4-5 дней без света и возможности сварить чай, кашу и т.п. На отопление нашего общежития зимой мало

³⁸ Там же, 472.

³⁹ Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 474.

⁴⁰ Там же, 476.

надежды. Для многих из нас это будет очень тяжело, так как мы не сможем соорудить и поставить буржуйки.

С книгами и другими материалами научной работы дело обстоит очень плохо. Я никогда не предполагал, что в таком крупном городе, как Ташкент библиотеки хуже, чем в Казани»⁴¹.

В письме от 11 июня 1942 г. имеются самокритичные заметки о некоторых сторонах научной жизни: «В первые месяцы пребывания в Ташкенте всех одолела охота делать доклады и устраивать торжественные и неторжественные, но неизменно скучные и никчемные заседания, — как будто хотелось показать и доказать кому-то, что Курилка не только жив, но, кроме того, кому-то нужен. Теперь истерика заседаний кончилась, а с наступлением жары и вовсе все успокоилось. Это даст мне возможность, которую я постараюсь использовать, зарыться в мою работу и писать, не выходя из комнаты»⁴². Вне всяких сомнений здесь в С.Б. Веселовском говорил тип кабинетного ученого, к которому он относился.

Итак, рассматривая переписку историков первой половины XX в., необходимо отметить, что она актуальна для науки как документ и информативна как исторический источник. В значительной мере это объясняется не только остротой переживаемого времени, но и высоким уровнем культуры и профессионализма ученых-историков. Изученная переписка представляет собой многогранное и многоплановое явление, свидетельствующее о широте кругозора ее участников, их ответственном отношении к науке, коллегам, стране в целом. Историки критически подходили к анализу сложившейся ситуации в предреволюционные, революционные, послереволюционные годы, в период Великой Отечественной войны. Вместе с тем в их письмах прослеживается высокая сопричастность ко всему, что происходило в

⁴¹ Там же, 481.

⁴² Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001, 479.

стране, полное отсутствие панических настроений, трудное, но достойное переживание сложных ситуаций, уважение к истории как науке, умение и желание работать в любых условиях. Так, М.М. Богословский писал А.С. Лаппо-Данилевскому 3 мая 1918 г.: «Только в научной работе... я нахожу душевное равновесие, и большое счастье, что у нас такая работа есть...»⁴³.

Литература

- Айзенштат М.П.* 2011: Переписка как источник изучения Новой истории Британии // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении / М.С. Бобкова (ред.). М., 348-359.
- Историки России. XVIII – начало XX века. 1996: М.
- Краснова И.А., Ануфриенко И.А.* 2006: Замужняя женщина и хозяйка дома во Флоренции XIV – начала XV вв.: судьба Маргариты Датини // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. 12, 264-273.
- Богословский М.М.* 1987: Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие). М.
- Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. 2001: М.

⁴³ *Богословский М.М.* 1987, 141.